

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОЛАЕНКО

младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им С. И. Вавилова РАН;
аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОРОВА

аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

УДК 001.38

Российские университеты в мировых рейтингах: успехи, провалы, перспективы¹

Проводится анализ динамики отечественных университетов в рамках международных рейтинговых систем. Затрагиваются ряд смежных вопросов — причины неэффективности и «пробуксовки» программы «5 в 100», различия результатов на бумаге и в реальной жизни, возможность/невозможность внешнего диагностирования системы образования в России, а также перспективы рейтинговых систем и мировые тенденции в сфере ранжирования и сопоставления университетов.

Ключевые слова: рейтинги, ранжирование, университеты, реформирование, «5 в 100», образование.

История мирового ранжирования: краткий обзор

Как и многие феномены глобального академического мира, система университетского ранжирования берет свое начало в Соединенных Штатах, где в 1983 г. медийная компания U. S. News & World Report опубликовала сравнительную сводку крупнейших американских университетов, основав тем самым традицию. Все попытки академической оценки деятельности вузов, предпринятые до этого момента, не имели системного характера и ориентации на широкие потребительские круги. Интерес к публикации 1983 г. во многом был вызван высокой численностью участников опроса. Так, предложение назвать пятерку лучших университетов страны поступило к 1300 студентам, из которых свои ответы в редакцию прислали более 50%. На протяжении следующих 10 лет сходные репутационные рейтинги начали появляться в англоязычных странах за пределами США, однако вплоть до 1997 г. все они

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе: социальные и структурные трансформации» на 2017 год. Проект 0002-2015-0026 "Современные подходы к управлению наукой"

ограничивались рамками национальных образовательных систем. Попытка организации первого транснационального академического ранжирования в 1997–1998 гг. должна была стать по задумке создателей (журнал AsiaWeek) сводным рейтингом университетов для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В реальности ряд коллизий, связанных с недоверием к объективности оценок и заявлениями о невозможности сравнения разнородных образовательных систем, существенно отдалил перспективы глобального сопоставления.

Первый успешный опыт создания общемировых рейтингов относится к середине 2000-х гг.: в 2003 г. Шанхайский университет предложил собственную систему оценки академических успехов вузов по всему миру (Academic Ranking of World Universities), с 2004 г. альтернативы ARWU предоставили британский холдинг «TSL Education Ltd» (рейтинг THE) и испанская информационная лаборатория «Cybermetrics» (рейтинг Webometrics).

Рост числа составителей и участников международных рейтингов привел к появлению в 2006 г. международной комиссии под эгидой ЮНЕСКО, чьей целью являлась выработка общих принципов функционирования академического ранжирования. Позднее ключевые из названных комиссией постулатов получили название «Берлинских тезисов». По большей части обозначенные в Берлине положения опирались на бытовую логику и научную этику: согласно выводам комиссии, все международные рейтинги должны быть нацелены на конкретную аудиторию, обязаны соотноситься с культурными особенностями региональных образовательных систем, а также создаваться с использованием доступных для проверки механизмов ранжирования.

Субъекты глобальной рейтинговой системы современности

Нередко можно встретить предположение о том, будто деятельность, связанная с созданием рейтингов, является продуктом взаимодействия сугубо околонучных институтов и организаций. Однако реальный круг участников включает в себя множество действующих субъектов, принадлежащих к различным сферам общественной жизни.

Наиболее высокий уровень участников академического ранжирования — национальные правительства с подведомственными им структурами. Скрытое финансирование университетов или компаний-составителей является распространенной практикой. Соревновательный геополитический принцип находит свое проявление не только в спорте, экономике или гонке вооружений — позиции собственных вузов также повсеместно включаются в отчеты министерств науки и образования. Помимо банального статистического сопоставления, включение национальных университетов в списки лучших может иметь для правительственных структур также «долгоиграющие» политико-экономические последствия: многолетнее пребывание страны на академической «вершине» благотворно влияет на приток иностранных студентов и, как следствие, иностранных инвестиций.

Мезо-уровень системы академического ранжирования представлен несколькими крупными сферами, о каждой из которых следует поговорить отдельно.

Научное сообщество как система взаимосвязанных исследовательских и образовательных институтов в абсолютном большинстве ситуаций выступает участником рейтинговой гонки, а не ее организатором (рейтинг Шанхайского университета в данном случае становится исключением). Ключевой вопрос — «какую выгоду получают университеты от участия в рейтингах?» — не первый год будоражит умы как сторонников, так и противников академического ранжирования.

К ключевым положениям сторонников рейтинговых систем можно отнести следующие факты:

- В научном сообществе все еще встречаются «по одежке». Включение в рейтинг позволяет университетам «оставаться на слуху», чувствовать себя активным участником академического движения.

- Успехи в рейтингах могут стать индикатором способности к изменениям. Если мы способны достойно решить рейтинговую проблему, значит готовы двигаться и дальше к светлому академическому будущему.

Однако на каждый «плюс» найдется и свой «минус».

- Недостаточно чувствовать себя участником движения, важно им быть. Потратив все силы на вхождение в группу лидеров, мы рискуем в дальнейшем остаться без ресурсов для продвижения вперед.

- Высокие позиции в рейтингах не идентичны мировому признанию. В своей попытке «включиться» мы забываем задаться вопросом «нужны ли мы другой стороне?». Сложившаяся за последние десятилетия группа лидеров с очевидной неохотой впускает в свои ряды новичков.

С уверенностью можно сказать одно: если в ситуации разумного применения рейтинги позволяют снизить горизонт академического произвола, то бездумное сведение рейтингов от средства оценки к «цели» неминуемо приводит к обнулению их эффективности.

Напротив, бизнес-круги выступают активными участниками академического ранжирования как на этапе создания рейтинговых систем, так и в ситуации потребления итоговых результатов. Разработка собственного рейтинга при правильном подходе может стать крайне выгодным мероприятием, в то время как использование уже созданных рейтинговых сводок позволяет сделать оценку перспектив возможного сотрудничества. Однако в российских реалиях ни первый, ни второй путь не получили широкого распространения по ряду объективных причин. Несмотря на то, что уже с 2008 г. включение научных инноваций в производственный процесс подается правительством как ключевая задача для среднего и крупного бизнеса, сами предприниматели честно признаются в своей полной неосведомленности в вопросах сопоставления рейтингов, показателей университетов и их возможной полезности.

Сообразно изначальной задумке составителей первых рейтингов, именно будущие студенты должны выступать потребителями результатов академического ранжирования на микроуровне. Как объяснил в интервью журналу «Санкт-Петербургский университет» руководитель QS Intelligence Unit Бен Соутер, главная задача международного рейтинга — помочь студентам сделать правильный, умный выбор, то есть найти оптимальный вуз согласно своим запросам. «Еще 10 лет назад международных систем рейтинга не существовало. Университеты жили в своем замкнутом мире, — сказал Бен Соутер. — В каждой стране был свой ведущий университет, который считался эквивалентным ведущему вузу другой стра-

ны — например, Гарварду или Кембриджу. Теперь же, когда вузы стали конкурировать на международной арене, стал необходим некий независимый инструмент их сравнения, каким и является рейтинг» [Благодатова, 2012]. Слова господина Соутера кажутся продуманными и верными, если не принимать во внимание некоторую индифферентность российских студентов в том, что касается ознакомления с рейтингами. Без должной популяризации рейтинга как механизма оценки вуза академическое ранжирование остается для будущих абитуриентов (и их родителей) непонятным алгоритмом, который вряд ли может стать аргументом в ситуации важного выбора.

Рейтинговая система в приложении к российским реалиям

Юридические аспекты программы «5–100»

Разговор об академических рейтингах и их месте в современной российской научно-образовательной системе невозможен без упоминания «Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров» [Повышение конкурентоспособности, 2016], более известного под названием программа «5–100». Анализ реформирования университетов стоит начать с рассмотрения Указа Президента РФ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 г. [Указ Президента РФ № 599, 2016]. Фактически Указ представляет собой перечень постановлений.

Вторым основополагающим документом, выстраивающим вектор реформирования системы науки, стало Постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» (Постановление Правительства РФ № 211, 2016).

Субсидирование регулируется правилами распределения и предоставления субсидий на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Контроль за выполнением мероприятий программ повышения конкурентоспособности вузов-победителей осуществляется Министерством образования и науки Российской Федерации на основании отчетов о достижении показателей результативности планов мероприятий по реализации вузами-победителями программ повышения конкурентоспособности.

Разработанные вузами-победителями планы мероприятий согласовываются с Министерством образования и науки Российской Федерации, и при наличии положительного заключения Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров утверждаются вузом. Планы мероприятий включают показатели результативности достижения целей с учетом критериев международных глобальных рейтингов, включая отраслевые рейтинги, в том числе ARWU — академический рейтинг университетов мира (Academic Ranking of World Universities), THE —

рейтинг университетов мира Таймс (The Times Higher Education World University Rankings), QS — всемирный рейтинг университетов (QS World University Rankings).

Контроль за целевым использованием субсидий осуществляют Министерство образования и науки Российской Федерации и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере [Правила распределения, 2016].

С 2013 г. субсидии выделялись уже четыре раза и были распределены между участниками следующим образом (рис. 1):

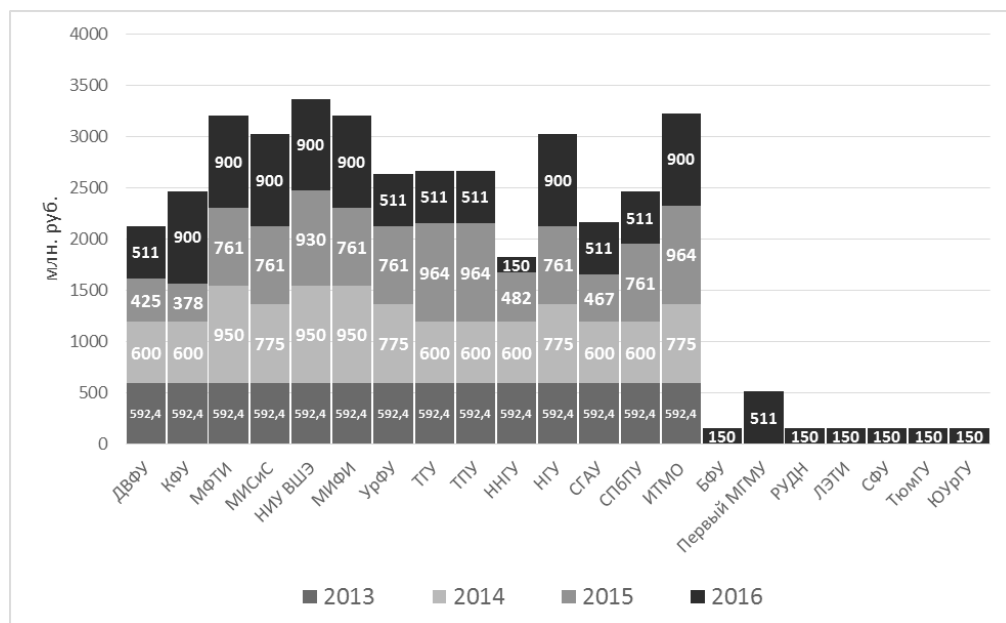

Рис. 1. Структура субсидирования университетов по программе «5–100» с 2013 по 2016 гг.

Общая сумма субсидий по годам имеет следующий вид (рис. 2):

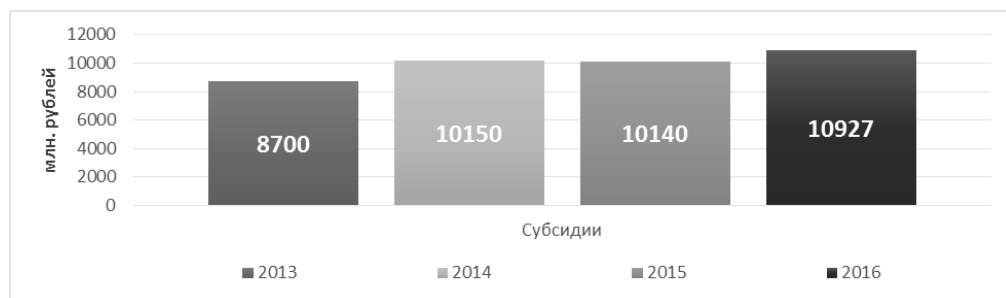

Рис. 2. Общая сумма субсидий по программе «5–100» с 2013 по 2016 гг.

Ключевые проблемы и перспективы использования программы «5–100»

Структурная и смысловая составляющие программы «5–100» сталкиваются с серьезными трудностями на этапах реализации правительственных проектов в реальные зримые результаты. Почему все попытки вхождения в топы рейтингов упираются в тупики? Можно ли изменить ситуацию с учетом российских реалий? Абсолютно верные ответы на данные вопросы продемонстрируют лишь история и время, однако в наших силах попытаться обрисовать существующие точки напряженности и возможные пути их разрешения.

Проблема № 1: Разделение труда

Ключевым отличием России от многих западных стран на протяжении многих лет являлось научное «разделение труда». В то время как на Западе вузы ориентированы на практику и конкретные научные изыскания, в нашей стране исследовательская позиция всегда была поделена между несколькими иными научными институтами. Так, Российская академия наук сделала теоретические изыскания основной сферой своей деятельности; конструкторские бюро и НИИ ориентированы на практические оборонные проекты и технические разработки государственной важности; частные исследовательские институты поставили своей целью налаживание связей с бизнесом и увеличение экономической выгоды от разрабатываемых проектов. Где же место вузов во всем этом многообразии научно-исследовательской системы? До недавнего времени российские университеты могли с гордостью говорить, что их главная задача — обучение, однако для включения в рейтинги одного лишь высокоуровневого обучения оказалось недостаточно. Чтобы попасть в топы рейтингов, университеты должны начать работать в непривычных для себя сферах, занимаемых другими участниками научной жизни. Эта задача была бы сложно выполнимой даже при наличии устойчивых связей между упомянутыми участниками, однако в ситуации дефляционных конкурентных требуемые результаты становятся практически недостижимыми.

Проблема № 2: Бюрократизация системы «5–100»

В 2015 г. Обнадзор опубликовал комплексный анализ результатов проекта по повышению конкурентоспособности российских университетов. Возможно, вместо строгого академического отчета экспертам следовало написать криминальный детектив «Куда уходят деньги» как минимум потому, что схемы, направления и главное — результаты разделения бюджета смотрятся довольно увлекательно. Обозначим некоторые из них.

Основные структурные изменения происходят в административном аппарате — в Наблюдательном Совете и Социоцентре. В случае если внутри этих надзорных органов идеи текущего руководящего состава не срабатывают, через год администрация меняется и начинает разработку более сложных планов. Итог предсказуем — пока сами надзорные органы лихорадит, университеты не вполне понимают, на что именно им выделяются денежные средства в этот раз.

В итоговых отчетах вузов есть информация о вхождении в рейтинг ТНЕ, но нет информации о том, как они туда попали. При переводе с бюрократического языка на русский ответ прост: в 2015 г. рейтинг расширили в полтора раза. Если ранее рейтингом учитывались показатели 400 участников, с прошлого года их стало 800. Подобные изменения рейтингов не несут в себе существенных результатов, однако засчитываются бюрократическим аппаратом за достижение.

Кроме того, в ситуации изменчивых требований управляющих структур, многие вузы — участники программы выбрали путь наименьшего сопротивления в вопросе увеличения отчетных показателей: из всех параметров, учитываемых в рейтингах, основной упор в России сделали на цитирование. Как позднее выяснилось, сделано это было за счет платных журналов в Индии и Китае.

Три описанных кейса наглядно демонстрируют, как чрезмерная бюрократизация системы «5–100» превращает возможные положительные результаты в фарс и гонку показателей в отчетах. Принесет ли подобная стратегия пользу российским университетам?

Проблема № 3: Статистика не на нашей стороне

Согласно данным ЮНЕСКО, в 2014 г. в российской науке было занято 829 тыс. чел. На первый взгляд, этот показатель достаточно существенен, чтобы являться поводом для гордости. Правда, таковым он будет ровно до первого сопоставления с Китаем, где в научной сфере занято 3710 580 чел. — там, где рейтинги учитывают численные показатели, ученые из Китая могут взять не качеством (хотя нет никаких сомнений, что оно тоже будет на уровне), а числом.

С данным тезисом можно поспорить, сказав, что не столь густонаселенные страны, США или Великобритания, занимают высокие позиции в тех же самых рейтингах. Впрочем, численность населения стоит учитывать без отрыва от иных показателей, среди которых самым важным будет наличие нужных навыков в академической среде.

Мало иметь хороших авторов и отличные идеи, чтобы занимать верхние позиции в международных рейтингах, важно донести свои идеи до мирового сообщества. И вот тут начинаются серьезные проблемы. В процентном отношении люди, владеющие английским языком как инструментом взаимодействия в глобальной среде, занимают 5% среди населения нашей страны. Для сравнения: в Китае этот процент составляет 20%, во Франции — 36%, в Германии — 70%. Высказанные на русском языке идеи наших ученых зачастую не находят свою аудиторию, оставаясь невидимыми для мирового сообщества, а тем более для его рейтинговой системы. Возможно, с годами ситуация улучшится, однако пока нынешние школьники вырастут и добьются научного признания, пройдет гораздо больше лет, чем отведено программой «5–100».

Перспективы России на пути к топу рейтинговых систем

Говоря об использовании программы «5–100» в России, мы намеренно обращали внимание на проблемы и недостатки существующей системы. Как показывает исследовательская практика, оптимальные прогнозы строятся лишь при учете всех возможных негативных факторов, которые мы и описали. К сожалению, изменения в любой сложной системе не происходят по мановению волшебной палочки. Успешное решение проблемы — это чаще всего долгий путь от осознания трудностей до поступательного движения вперед с финишем в отдаленной перспективе.

Говоря об осознании трудностей, нельзя не задаться вопросом, кто именно будет их диагностировать. В отличие от медицины, где врачи не советуют заниматься самолечением, наука и образование — те сферы, где внешняя диагностика практи-

чески невозможна. Наблюдательный Совет программы «5–100» состоит по большей части из политиков и представителей частных исследовательских структур, до которых информация о проблемах в подведомственной сфере доходит зачастую с искажениями.

Таким образом, даже самые оптимистичные прогнозы подсказывают: если принципиальная схема работы программы не изменится, в сотню пять российских вузов доберутся только к 2025 г., а реалисты и вовсе предлагают ориентироваться на 2040 г. В любом случае попадание в топ рейтинга — половина проблемы. Вторая ее часть складывается из возможных неоправданных ожиданий. Если принять во внимание растущее негативное восприятие рейтингов в западных странах, а также набирающее популярность движение по их запрету, вполне вероятно, что с годами многие западные страны, включая США, Великобританию, Германию и Францию, откажутся от необходимости сопоставления собственных учебных заведений. Таким образом, в 2025 (или 2040) г. нашими ближайшими соседями в сотне лучших вполне могут оказаться университеты Зимбабве и Малайзии, которые российские политические структуры вряд ли посчитают достойными соперниками.

Рейтинги

Так каковы же позиции и динамика российских вузов в мировых рейтингах (в частности тех, что указаны в указах Президента и Правительства)?

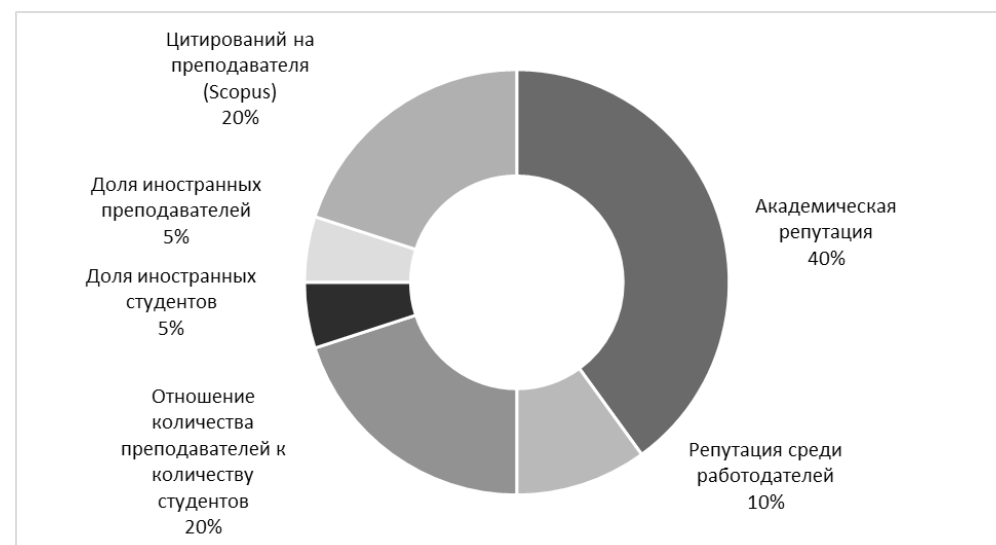

Рис. 3. Структура оценки в рамках рейтинга Quacquarelli Symonds World University Rankings

Quacquarelli Symonds World University Rankings — один из наиболее авторитетных и престижных интегральных (то есть сводящих в единый балл информацию по всем показателям) университетских рейтингов. Стоит отметить, что в период между 2004 и 2009 гг. QS входил в рейтинг THE-QS (Times Higher Education — Quacquarelli Symonds), однако уже на протяжении семи лет оба рейтинга функционируют независимо.

Наиболее важным показателем рейтинга является «академическая репутация», обеспечивающая 40% от интегрального показателя. Фактически данные собираются

на основании рассылки, включающей в себя около полумиллиона респондентов, имеющих статус экспертов в области высшего образования. Списки экспертов, в свою очередь, составляются на основе контактов вузов, данных Reed Business Information, а также контактов респондентов, уже участвовавших в опросах QS с 2004 г.

Второй, менее значимый показатель, — «репутация среди работодателей» — обеспечивает 10% от интегрального показателя. Всего используется около 40 тыс. ответов, полученных из следующих источников:

1. Предыдущие респонденты (опросы работодателей ведутся с 2004 г.);
2. База работодателей QS;
3. Партнеры QS, в число которых входят различные информационные порталы, в том числе и сервисы, специализирующиеся на трудоустройстве;
4. Информация от университетов. При этом стоит отметить, что QS не предоставляет каких-либо критериев для отбора работодателей. Таким образом, выборка контактов от каждого университета формируется независимо, силами самого университета.

Третий показатель — «отношение количества преподавателей к количеству студентов» — обеспечивает 20% от интегрального показателя. В рамках этой переменной учитывается общее количество студентов очной формы обучения на конец года, предшествующего составлению рейтинга. При подсчете показателя используется формула Full Time Equivalent.

Четвертый и пятый показатели, обеспечивающие по 5% от интегрального показателя, — доля иностранных студентов и преподавателей. Фактически в рамках данного индикатора подсчитываются студенты и профессора, гражданство которых не относится к стране фактического нахождения вуза. При этом при подсчетах не учитываются следующие категории сотрудников: научные сотрудники, аспиранты с преподавательской нагрузкой, участники программ обмена и приглашенные профессора.

Последний, шестой показатель — «цитирование в расчете на одного сотрудника» (20%). QS использует базу Scopus (Elsevier), подсчитывая данные за последние 5 лет (как валовое значение). При этом самоцитирование исключается из конечных результатов.

На данный момент (2016 г.) в рейтинге QS представлены 22 российских университета, однако ни один из них не входит в топ-100 (таблица 1).

Таблица 1

Позиции российских университетов в рейтинге Quacquarelli Symonds World University Rankings с 2012 по 2016 гг. Звездочкой обозначены вузы, получающие субсидии по программе «5–100». Серым цветом выделены вузы, демонстрирующие отрицательную динамику в рейтинге.

Название	QS 2012	QS 2013	QS 2014	QS 2015	QS 2016
МГУ	116	120	114	108	108
СПбГУ	253	240	233	256	258
* НГУ	371	352	328	317	291
МГТУ им. Баумана	352	334	322	338	306
* МФТИ (ГУ)	—	441–450	411–420	431–440	350
МГИМО МИД России	367	386	399	397	350

Окончание табл. 1

* ТГУ	551–600	551–600	491–500	481–490	377
* ТПУ	601+	551–600	501–550	481–490	400
* НИЯУ МИФИ	—	—	481–490	501–550	401–410
* НИУ ВШЭ	501–550	501–550	501–550	501–550	411–420
* СПбПУ	—	451–460	481–490	471–480	411–420
* КФУ	601+	601–650	551–600	551–600	501–550
* ДВФУ	601+	701+	701+	651–700	551–600
СГУ	—	—	601–650	601–650	551–600
ЮФУ	—	601–650	601–650	601–650	551–600
* НИТУ МИСиС	—	—	701+	701+	601–650
* РУДН	501–550	491–500	471–480	601–650	601–650
* УрФУ	451–500	501–550	551–600	601–650	601–650
* ННГУ	601+	701+	701+	701+	701+
НГТУ	—	—	—	—	701+
РЭУ	—	—	—	701+	701+
ВГУ	—	701+	701+	701+	701+

При этом в рейтинге QS отсутствуют следующие вузы, получающие субсидии по программе 5–100: СГАУ, ИТМО, БФУ, Первый МГМУ, ЛЭТИ, СФУ, ТюмГУ, ЮУрГУ. Стоит отметить, что перечисленные вузы, за исключением ИТМО и СГАУ, только включились в программу 5–100, получив первые субсидии в 2016 г.

Times Higher Education Worldwide University Rankings (THE). Как уже было сказано, изначально рейтинг THE входил в объединенный рейтинг THE-QS, однако позднее, в 2010 г., эти рейтинги разделились. Так как методология THE-QS после разделения перешла к QS, ставший независимым THE разработал собственные маркеры и шкалы. Так как методология каждый год изменяется, мы приведем технологию расчета рейтинга 2016–2017 гг.

Индикаторы THE объединены в пять групп (рис. 4):

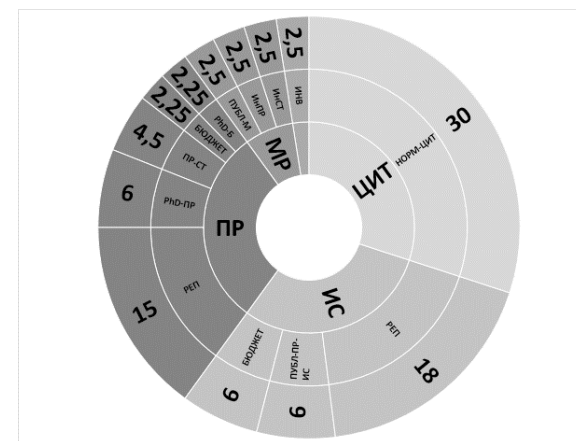

Рис. 4. Структура оценки в рамках рейтинга Times Higher Education Worldwide University Rankings

Рейтинг ARWU (Шанхайский). Рейтинг Academic Ranking of World Universities (ARWU), получивший название «Шанхайский» в связи с тем, что его проводит Shanghai Jiao Tong University — старейший рейтинг из так называемой «большой тройки», так как выходит с 2003 г. По состоянию на 2016 г., при составлении рейтинга ARWU сравнивались 1200 университетов, 500 из которых попали в интернет-версию рейтинга. В целом ARWU (рис. 6) использует четыре основных критерия для отбора университетов:

1. В университете работает хотя бы один нобелевский лауреат или лауреат премии Филдса.
2. В университете работает хотя бы один высокоцитируемый исследователь (по данным Research Analytics от компании Thomson Reuters).
3. Сотрудниками университета была опубликована хотя бы одна статья в журналах “Nature” или “Science”.
4. У университета имеется «значительное» количество (significant amount) статей, проиндексированных в Science Citation Index-Expanded (SCIE) и Social Science Citation Index (SSCI).

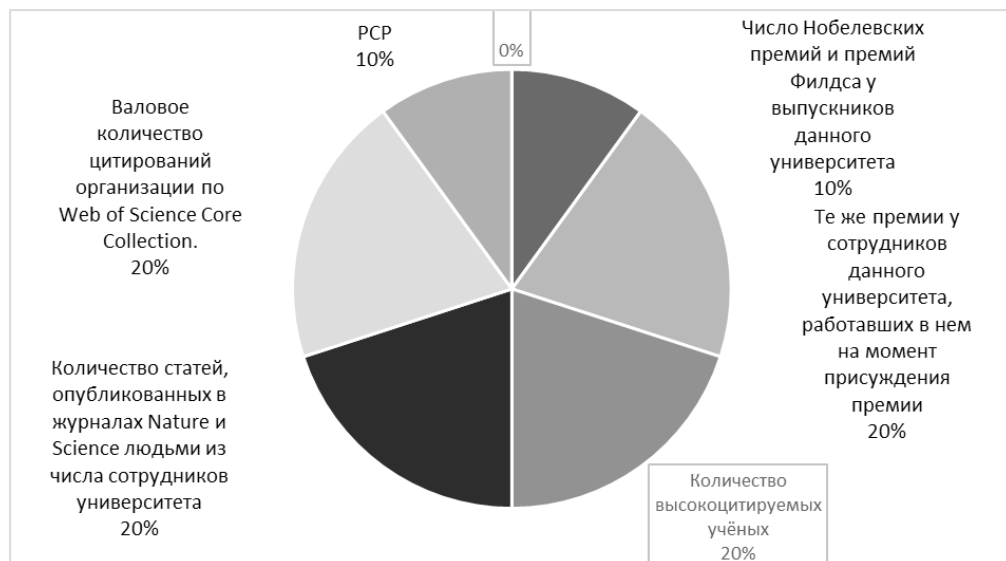

Рис. 6. Структура оценки в рамках рейтинга Academic Ranking of World Universities (ARWU)

Категории:

Alumni — количество выпускников вуза, получивших Нобелевскую премию либо премию Филдса. Выпускниками считаются люди, получившие степени бакалавра, магистра или доктора в данном вузе. Показатель имеет различные веса в зависимости от периода присуждения степени. 100-процентный вес для выпускников 2001–2010 гг., 90-процентный вес для выпускников 1991–2000 гг., 80-процентный вес для выпускников 1981–1990 гг. и т.д. вплоть до 10-процентного веса для выпускников 1911–1920 гг.

Award — число сотрудников вуза, получивших Нобелевскую премию по физике, химии, медицине или экономике, а также число сотрудников, получивших медаль

Филдса по математике. В зависимости от времени присуждения премии показатели имеют разные веса: победители после 2011 г. — 100 %, с 2001–2010 гг. — 90 %, 1991–2000 гг. — 80 % и т.д. до 10 % за 1921–1930 гг.

HiCi — число высоко цитируемых исследователей по спискам Thomson Reuters. Для ARWU 2016 использовался список «2015 HCR List as of December 1 2015». Учитывается только основная аффилиация автора.

N&S — число публикаций (Article) в журналах «Nature» и «Science» с 2011 по 2015 г. В этом показателе также используется система понижающих коэффициентов, в зависимости от порядка приведения аффилиации авторов: 100 % — для автора, чьи контакты указаны для связи; 50 % — для первого в списке авторов; 25 % — для третьего либо следующего автора; 10 % — для остальных.

PUB — число публикаций (article), индексированных в Science-Citation Index Expanded (SCIE) и Social Science Citation Index (SSCI) за 2015 г. Для SSCI используется двойной вес, так как число публикаций по социальным наукам значительно меньше, чем по естественным.

PCP — взвешенные очки по пяти индикаторам делятся на Full-Time Equivalent. В случае, если получить информацию о сотрудниках невозможно, используются только первые пять индикаторов. В 2016 г. данные были получены для США, Великобритании, Франции, Канады, Японии, Италии, Китая, Австралии, Нидерландов, Швеции, Швейцарии, Бельгии, Южной Кореи, Чехии, Словении, Новой Зеландии и т.д.

Общий балл (score) = (Alumni x 0,1) + (Award x 0,2) + (HiCi x 0,2) + (N&S x 0,2) + (PUB x 0,2) + (PCP x 0,1).

Стоит отметить, что ARWU использует абсолютные, а не относительные (как QS и THE) показатели, что дает преимущество крупным и старым университетам.

Таблица 3

Позиции российских университетов в рейтинге ARWU с 2003 по 2016 гг. Звездочкой обозначены вузы, получающие субсидии по программе 5–100. Серым цветом выделены вузы, демонстрирующие отрицательную динамику в рейтинге

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
МГУ	102–151	66	67	70	76	70	77	74	77	80	79	84	86	87
СПбГУ	401–450	302–403	301–400	301–400	305–402	303–401	303–401	301–400	301–400	401–500	301–400	301–400	301–400	301–400
* НГУ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	401–500

Позиции сильнейшего вуза страны на данный момент имеют следующий вид (рис. 7). Пока только МГУ входит в топ-100 международных рейтингов (ARWU), однако с 2004 г. он показывает стабильную отрицательную динамику. Конечно, можно смотреть на позиции в рамках предметных (по отдельным дисциплинам) рейтингов или региональных рейтингов, однако значимость таких данных будет ниже. Пока что можно только предполагать, в каком направлении будет смещаться трактовка слов Президента. Например, до сих пор нет ясности в том, что конкретно предполагает

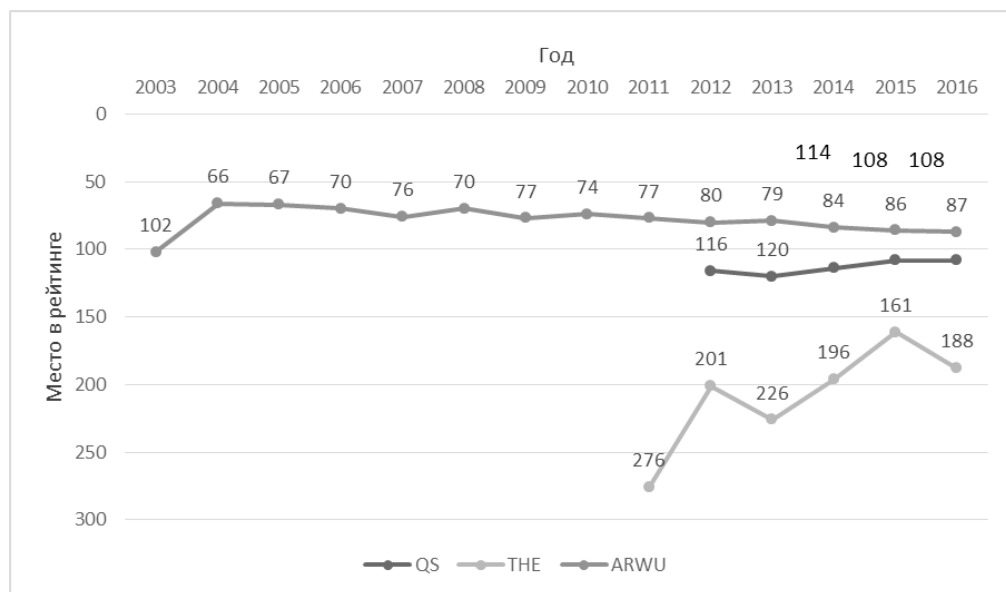

Рис. 7. Динамика МГУ в рейтингах QS, THE и ARWU с 2003 по 2016 гг.

программа 5–100: мы стремимся занять по пять мест в каждом рейтинге, пять мест в сумме по нескольким рейтингам или же нет? Также открытым остается следующий вопрос — в случае, если МГУ войдет в топ-100 в двух рейтингах, как именно это будет отображаться в отчетности? Так или иначе, уже сейчас можно сказать, что к концу программы мы не увидим по пять российских вузов в первой сотне каждого из рейтингов, а отсутствие четкой цели позволит представить практически любое взаиморасположение вузов как успех программы (например, можно использовать число вошедших в рейтинги вузов, опустив при этом технологии такого вхождения, а также их периферийное расположение). На данный момент положение и динамика ведущего университета страны — МГУ, который, кстати, не входит в программу «5–100», вполне четко очерчивает перспективы российских вузов в международных рейтингах.

Литература

A Global Survey of Rankings and League Tables / College and University Ranking Systems Global Perspectives and American Challenges / Institute for Higher Education Policy (editor). April 2007. P. 23–34.

Ochoa R. College Rankings: What's the Use? // Huffington Post, October 10, 2014.

Times Higher Education [Электронный ресурс] URL: timeshighereducation.com (дата обращения: 15.11.2016).

Экспертный доклад Обнадзора ««5–100»: цена провала. Комплексный анализ результатов проекта по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов» [Электронный ресурс] URL: <http://обнадзор.рф/wp-content/uploads/2015/11/5-100-doklad-chast-1.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).

Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5–100) [Электронный ресурс] //

Министерство образования и науки Российской Федерации URL: <http://минобрнауки.рф/проекты/5-100> (дата обращения: 18.11.2016).

Постановление Правительства России от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» [Электронный ресурс] // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2016 URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#I0 (дата обращения: 20.11.2016).

Правила распределения и предоставления субсидий на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров (утв. постановлением Правительства РФ от 16 марта 2013 года г. № 211). С изменениями и дополнениями от 30 декабря 2013 г., 26 декабря 2014 г., 31 октября 2015 г., 9 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2016 URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#I0 (дата обращения: 20.11.2016).

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 [Электронный ресурс] // Администрация Президента России 2016 год URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (дата обращения: 20.11.2016).

Благодатова Е. Что мешает российским вузам войти в топ-100 мировых рейтингов? [Электронный ресурс] // Журнал «Санкт-Петербургский Университет». № 15 (3857). 5 декабря 2012. URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9063> (дата обращения 04.12.2016).

Russian Universities in the World Rankings: Successes, Failures and Prospects

GEORGIY A. NIKOLAENKO

junior researcher of the St Petersburg branch of the Institute of History of Science and Technology named after S. I. Vavilov RAS;
graduate student of the Department of Theory and History of Sociology,
Faculty of Sociology, St Petersburg State University

ANNA A. FEDOROVA

postgraduate student of the Department of cultural anthropology and ethnic sociology,
Faculty of sociology, St Petersburg State University

This paper analyzes the dynamics of main Russian universities in global ranking systems. Alongside this, the authors bring into the picture a number of related issues, including: the reasons for inefficiency over the cause of so called “5–100” project; the difference between its official and substantial outcomes; the capabilities of external examination of Russian education system; as well as various perspectives on rankings around the world, and the global approaches to higher education comparison.

Keywords: ratings, rankings, universities, reforming, 5–100, education.

References

Povyshenie konkurentosposobnosti vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatelnykh tsentrov (5–100) [The Project of

Improving the Competitiveness of Russian Universities Among the World's Top Science-and-Education Centers (5–100)] // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [The Ministry of Education and Science of the Russian Federation] URL: <http://minobrnauki.rf/proekty/5–100> (data obrashcheniya: 18.11.2016)

Postanovlenie Pravitelstva Rossii ot 16 marta 2013 g. № 211 «O merakh gosudarstvennoy podderzhki vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii v tselyakh povysheniya ikh konkurentosposobnosti sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatelnykh tsentrov» [Resolution of the Government of Russia on March 16, 2013 № 211 “On Measures of State Support of the Leading Russian Universities in Order to Enhance Their Competitiveness Among the World's Leading Research and Education Centers”] // Gosudarstvennaya sistema pravovoy informatsii. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. 2005–2016 [The Official Internet-Portal of Legal Information. The State System of Legal Information] URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#10 (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Pravila raspredeleniya i predostavleniya subsidiy na gosudarstvennyuyu podderzhku vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii v tselyakh povysheniya ikh konkurentosposobnosti sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatelnykh tsentrov (utv. postanovleniem Pravitelstva RF ot 16 marta 2013 goda g. № 211). S izmeneniyami i dopolneniyami ot 30 dekabrya 2013 g., 26 dekabrya 2014 g., 31 oktyabrya 2015 g., 9 aprelya 2016 g. [Terms of Distribution and Granting Subsidies for State Support of Leading Universities of the Russian Federation in Order to Enhance Their Competitiveness Among the World's Leading Research and Education Centers (Approved. RF Government Decree of March 16, 2013, № 211). As amended on December 30, 2013 December 26, 2014 October 31, 2015 April 9, 2016] // Gosudarstvennaya sistema pravovoy informatsii. Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. 2005–2016 [The Official Internet-Portal of Legal Information. The State System of Legal Information] URL: http://pravo.gov.ru/ipsdata/?doc_itself=&backlink=1&nd=102163785&page=1&rdk=3#10 (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2012 g. № 599 [Presidential Decree of 07.05.2012, № 599] // Administratsiya Prezidenta Rossii 2016 god [The Russian Presidential Administration 2016] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (data obrashcheniya: 20.11.2016)

Blagodatova Ye. Chto meshaet rossiyskim vuzam voyti v top-100 mirovykh reytingov? [What prevents Russian universities enter into the top 100 of the world rankings?] // Zhurnal Sankt-Petersburgskiy Universitet № 15 (3857) 5 dekabrya 2012 [Magazine St Petersburg University № 15 (3857) December 5, 2012] URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9063> (data obrashcheniya: 4.12.2016)

НАУЧНЫЕ КАДРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Долгова Евгения Андреевна

кандидат исторических наук,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;
e-mail dolgova-evg@rambler.ru

УДК 001.316.454

Была ли наука «коммунистической»? Из статистики научных кадров в 1929–1937 гг.¹

Поставлена задача верификации историографической гипотезы о социальной и политической (партийной) однородности научных кадров в 1920–1930-е гг. через выявление удельного веса ученых-коммунистов в научном сообществе, их распределения по дисциплинам, территориальному размещению, возрастному и квалификационному составу. В результате анализа статистической документации за 1929, 1932, 1937 гг. автор приходит к выводам, что слой коммунистов в научном сообществе 1920–1930-х гг. был тонким и неоднородным; в социально-демографическом отношении не наблюдалось поляризации «старых» и «новых» научных институций (Академии наук СССР и Коммунистической академии ЦИК СССР), а также не прослеживалась взаимосвязь между партийностью научных работников и обретением ими привилегий социально-бытового характера. Автор делает вывод, что социально-демографические характеристики научного сообщества в 1929–1937 гг. не обнаруживают болевого перелома в развитии науки: не наблюдалось безусловно жесткого государственного запроса на «партийность» ученых, научное сообщество не отличалось партийной и социальной однородностью. Вследствие этого говорить о предвоенной науке как «коммунистической» в части ее социально-демографических характеристик едва ли правомерно.

Ключевые слова: советская наука, ученые, партийная принадлежность, социальное происхождение, власть, привилегии, репрессии.

На современном этапе исторических исследований распространено устойчивое представление о сложных и конфликтных условиях развития науки в 1920–1930-е гг.,

¹ Грант Президента РФ для поддержки молодых ученых — кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6.